

— Вольно, — Тринадцатый принц бросил взгляд на Лю Чжаоси и вдруг усмехнулся: — А у вас, евнух, ловко всё выходит. Позвольте узнать, как вы устроите мою матушку?

— Прислужники из Департамента внутренних дел совсем от рук отбились, — вкрадчиво заговорил Лю Чжаоси. — Ваше высочество — законный наследник престола, а в огромном дворце Биюань не нашлось ни единого слуги даже для простой уборки. Это неслыханное упущение. Я доложил обо всём главному управляющему У, и тот пришёл в ярость. Он уже отправил людей в Департамент, так что подмога прибудет с минуты на минуту. Что же касается наложницы И... Для заботы о госпоже уже отобраны самые надёжные и услужливые служанки.

Му Юаньюн долго, немигающим взглядом изучал лицо Лю Чжаоси, а затем прямо спросил:

— Всё-то мне в тебе удивительно... К чему такие хлопоты? Какую корысть ты в этом видишь?

— Мой единственный господин отныне — Тринадцатый принц, — гладко отчеканил Лю Чжаоси, склонив голову. — Разумеется, я радею лишь о вашем благе. Будет хорошо вам — будет хорошо и вашему покорному слуге.

Му Юаньюн отвернулся, покосившись на Кон Цзяцзы:

— Поёшь ты красиво, ничего не скажешь. Раз так, ступай и занимайся своими делами. Со мной останется Кон Цзяцзы, его заботы мне вполне довольно.

Лю Чжаоси опустил голову ещё ниже:

— Ничтожный раб не смеет докучать вашему высочеству. Однако до меня дошли слухи, будто Кон Цзяцзы — лишь недавно купленный мальчишка. Он ведь даже не прошёл через... оскотение. Боюсь, по неопытности он может доставить вашему высочеству лишь неудобства.

На сей раз Му Юаньюн не вспылil. Напротив, он с расстановкой процедил:

— И что же ты предлагаешь?

— Раб полагает, что Кон Цзяцзы следовало бы на время отстранить от службы. Пусть оправится после очищения, а затем я лично обучу его всем тонкостям дворцового уклада. Иначе, не ровен час, мальчишка совершит оплошность и прогневает ваше высочество, — мягко, усыпляя бдительность, проговорил Лю Чжаоси.

Кон Цзяцзы украдкой взглянул на Му Юаньюна. Тот прикрыл веки, погружившись в раздумья. Он колебался.

В сознании мальчика взвыл Наставник-эльф 311:

«Учитель! Кон Цзяцзы, это же готовый наставник! Как только закончим это задание, сможем снова крутить карты!»

Кон Цзяцзы проигнорировал восторженный писк Системы. Он решительно опустился на колени:

— Ваше высочество, Кон Цзяцзы готов пойти в ученики к почтенному евнуху, чтобы постичь правила приличия.

Му Юаньюн едва заметно усмехнулся. Облегчённо вздохнув, он проговорил с напускным сожалением:

— Но я слышал, что это... очищение — дело крайне опасное. Одно неверное движение, и...

— Прошу вашего высочества не беспокоиться, — твёрдо отозвался Кон Цзяцзы. — Ваш слуга — прирождённый евнух.

Это была сцена, которую они отрепетировали заранее. Лю Чжаоси, точно так же, как они и предполагали, попытался использовать Кон Цзяцзы как уязвимость, чтобы подобраться к принцу, и с готовностью заглотнул наживку.

Однако в самый решительный момент Му Юаньюн действительно заколебался. Если бы Кон Цзяцзы не опустился на колени с этой просьбой, неизвестно, что ещё могло сорваться с губ принца.

После того как лекари подтвердили подлинность его «прирождённого уродства», Кон Цзяцзы временно отдалили от Тринадцатого принца. Теперь они виделись лишь по несколько часов в день. Всё остальное время мальчик проводил под надзором Лю Чжаоси, который взялся обучать его дворцовым порядкам.

Обучение, впрочем, быстро свелось к изощрённым издевательствам и побоям.

Пока 311 в голове Кон Цзяцзы без умолку твердил о правах ребёнка, законах против насилия и тюремных сроках за истязания несовершеннолетних, Лю Чжаоси находил всё новые поводы для наказаний. Стоило Кон Цзяцзы сделать неверный шаг, как на него обрушивался гнев наставника.

Избиения сменялись изнурительным стоянием на коленях, голодом, унижительной бранью и

ударами бамбуковой тростью по ладоням. Лю Чжаоси бил его туда, где синяки скрывала одежда, а порой заставлял часами стоять в одном лёгком халате на ледяном ветру посреди заснеженного двора.

Кон Цзяцзы терпел всё это молча. Для него в этом не было ничего нового — до того, как попасть во дворец, он жил точно так же. К боли и холоду он привык с малых лет.

— Ну что, уяснил урок? — Лю Чжаоси остановился перед мальчиком. Свет из узкого окна разрезал комнату надвое: одна половина лица евнуха тонула во мраке, другая хищно поблёскивала.

Кон Цзяцзы медленно поднял голову.

Встретившись с его взглядом, Лю Чжаоси понял — мальчишка не сломлен.

Он впервые видел такого ребёнка. Кон Цзяцзы казался живым мертвецом. Любые оскорбления, любые побои он сносил с тупым, леденящим душу безразличием. Ни тени сопротивления — ведь бороться бесполезно. Ни капли страха — ведь страх никого ещё не спасал.

Лю Чжаоси не собирался убивать мальчишку; его целью было приручить его, сделать послушным орудием. Из страха, что избиения раскроются перед Тринадцатым принцем, евнух поначалу действовал осторожно, чередуя мнимую ласку с суровыми наказаниями. Он надеялся, что раз Кон Цзяцзы не жалуется принцу, значит, начинает проникаться к нему уважением и покорностью.

Но теперь он понял: перед ним не податливая глина, а упрямый, холодный гранит.

Глухая ярость шевельнулась в груди Лю Чжаоси. Он опустил ладонь на макушку мальчика. Рука евнуха была холодной и липкой, словно змеиная кожа.

— Пойми, дурачок, я ведь бью тебя не со зла. Чем строже я к тебе отношусь, тем сильнее люблю. Слушайся меня во всём, и я стану тебе лучшим покровителем. Разве поднялась бы у меня рука на ласковое дитя?

Кон Цзяцзы не проронил ни слова, продолжая неотрывно смотреть на него своими пустыми глазами.

Эта немая дерзость окончательно вывела Лю Чжаоси из себя. Размахнувшись, он наотмашь ударил Кон Цзяцзы по лицу. Мальчик отлетел на грязный пол.

В сознании Кон Цзяцзы неистово взвизгнул 311:

«Всё, больше не могу на это смотреть! Убей его! Прикончи эту тварь!»

Пальцы Кон Цзяцзы невольно нащупали в рукаве острый ножик. Кровь вскипела яростной жаждой мести, но железным усилием воли он заставил себя успокоиться.

«Не сейчас, — мысленно ответил он Системе. — Ещё не время».

Глядя на распластанного на полу Кон Цзяцзы, который беззвучно зажимал разбитую щеку, Лю Чжаоси внезапно испугался собственной вспыльчивости. Он поспешно опустился рядом с ним на корточки:

— Ох, прости старика, погорячился... Давай-ка я обработаю рану. У меня есть чудесная мазь, завтра и следа не останется.

Он взгляделся в лицо мальчика:

— Ты ведь не держишь на меня зла, верно?

Кон Цзяцзы медленно покачал головой и с помощью евнуха поднялся на ноги.

Лю Чжаоси довольно осклабился:

— Вот и славно. Сразу видно — послушный ученик. — Он ласково потрепал Кон Цзяцзы по волосам, но его улыбка оставалась мёртвой и ледяной.

Занятия в Императорской школе, которые должны были прерваться всего на неделю, не возобновлялись почти полмесяца. Лишь когда государь, оторвавшись от бесконечных государственных бумаг, вспомнил о заброшенном обучении сыновей, виновные получили суровый нагоняй. Император лично назначил на должность Младшего наставника одного из видных сановников, и под сводами школы наконец вновь зазвучали юношеские голоса, хором повторяющие древние каноны.

Кон Цзяцзы, как и прежде, сопровождал Тринадцатого принца. По дороге Му Юаньюн притормозил шаг, взял мальчика за руку и негромко спросил:

— Эта старая мрачная рожа... Он ведь не смеет распускать руки у меня за спиной?

Кон Цзяцзы уже привык к тому, что Му Юаньюн обожает раздавать едкие прозвища всем, кого недолюбливал. Главный управляющий У у него звался «старым черепашым внуком», Восьмой

принц — «мастером доносов»...

Теперь вот и Лю Чжаоси удостоился звания «старой мрачной рожи». Мысленно сопоставив это прозвище с двуличной натурой евнуха, Кон Цзяцзы невольно признал, что принц на редкость точно подбирает слова.

Что же касается 311, тот в голове мальчика и вовсе заходил от восторга:

«Ха-ха-ха! Мрачная рожа! Невероятно! Я уже почти обожаю этого мальчишку!»

Кон Цзяцзы промолчал. Заметив, как на мгновение застыло лицо слуги, Му Юаньюн, видимо, испугался, что тот снова начнёт читать ему нотации об осторожности.

— Ну а что? Разве я не прав? От его физиономии за версту могильным холодом веет. Я ещё мягко выразился. Знал бы ты, как я его про себя называю...

— Ваше высочество, следите за языком, — негромко прервал его Кон Цзяцзы.

Му Юаньюн послушно замолк, но тут же упрямо прищурился:

— Так он всё-таки измывается над тобой?

Кон Цзяцзы вздохнул и покачал головой:

— Я постоянно у вас на виду. Он не посмеет зайти слишком далеко.

Му Юаньюн давно перерос тот возраст, когда детей можно было легко обмануть. Проведя на вершине власти несколько десятилетий в прошлой жизни, он мгновенно уловил скрытый смысл этих слов.

— Значит, пакостит там, где я не вижу, — процедил принц, и в его глазах вспыхнул опасный огонёк. — Ничего, старая мразь. Твои дни сочтены. Скоро я покажу тебе, как обижать моих людей.

Он легонько щёлкнул Кон Цзяцзы по кончику носа и улыбнулся — так тепло и открыто, словно зимнее солнце, пробивающееся сквозь тяжёлые тучи.